

Кризис и перспективы современной философии

Современная ситуация в философии. Философский модернизм. Так называемый постмодернизм и его критики. Кризис традиционных образцов, идеалов, ценностей и стандартов в современной философии. Философский маргинализм. Появление новых тем и мотивов в современной философии. Авангард. Провокация. Симуляция. Эпатаж. Перформативность. Изменение облика философии или отказ от философии? Выход за рамки устойчивых понятийно-категориальных бинарных оппозиций. Проблема конца философии. Возможности и перспективы философской мысли сегодня.

Свасьян К.А. О конце истории философии.....	309
Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн?	325
Эко У. Постмодернизм, ирония, занимательность.....	335
Лем С. Гигамеш	339

- Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2009.
 Сокол А., Бриксмон Ж. Интеллектуальные уловки. М., 2002.
 Маяцкий М. Война знания с мыслью // Маяцкий М. Во-вторых. М., 2002.
 Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
 Гифенок Ф.И. Метафизика пада. М., 1995.
 Гройс Б. Как жить после постмодернизма? // Беседа. А.; Париж, 1990. № 8.
 Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
 Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004.
 Вельи В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. М., 1992. № 1.
 Ронелл А. Из «Телефонной книги» // Митин журнал. СПб., 1994. № 51.
 Зимовец С. К семиологии тела // Архетип. М., 1995. № 2.
 Батай Ж. Проклятая часть. М., 2006.
 Шатиф М. Что такое авангард? // Даугава. 1990. № 10.
 Деррида Ж. Позитивизм. М., 2007.
 Галковский Д. Бесконечный тупик. М., 1998.
 От Я к Другому. Минск, 1997.
 Этштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988.
 Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.
 Д + В - «А = НОНСЕНС = » // Социум. 1992. № 7.
 Нанси Ж.-Л. О со-бытии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.
 Маркиз де Сад и XX век. М., 1992.
 Линецкий В. «Анти-Бахтин» — лучшая книга о Владимире Набокове. СПб., 1994.
 Феминизм: Восток, Запад, Россия. М., 1993.
 Танатография эроса. СПб., 1994.
 Философские маргиналии. М., 1991.
 Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М., 1993.
 Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2–3.
 Джойс М. Примечания к ненаписанному нелинейному электронному тексту «Конец печатной культуры» // Искусство кино. 1993. № 10.
 Барт Р. Семиология как приключение // Мировое древо. М., 1993. № 2.
 Клоссовски П. О симулякре в сообщении Ж. Батай // Комментарии. М., 1994. № 3.
 Лем С. Гигамеш // Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 10.
 Инспекция «Медицинская герменевтика» // Место печати. М., 1994. № 6.
 Бланшо М. Смерть как возможность // Вопросы литературы. 1994. Вып. III.
 Зимовец С. Молчание Герасима. М., 1996.
 Босенко А.В. О Другом. Киев, 1996.

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ

Мартин Хайдеггер

ЧТО ЭТО ТАКОЕ — ФИЛОСОФИЯ?¹

Этим вопросом мы касаемся темы, которая очень широка, т. е. пространна. Поскольку эта тема широка, она остается неопределенной. Так как она неопределенна, мы можем обсуждать эту тему с различных точек зрения. При этом мы всегда встретим нечто правильное. Если, однако, при рассмотрении этой обширной темы ограничиться лишь беготней вокруг всех возможных воззрений, то мы подвергнемся той опасности, что наш разговор останется без подходящей сосредоточенности.

Поэтому мы должны попытаться точнее определить вопрос. Таким способом мы даем разговору твердое направление. Разговор будет тем самым выведен на некий путь. Я говорю: на *некий* путь. Этим мы допускаем, что этот путь не является, конечно, единственным. Должно даже оставаться открытым, является ли путь, на который я в дальнейшем хотел бы указать, поистине тем путем, который позволит нам поставить вопрос и ответить на него.

Если даже мы, допустим, смогли найти некий путь, чтобы точнее определить вопрос, то сразу же возникнет веское возражение против темы нашего разговора. Когда мы спрашиваем: «Что это такое — философия?», то мы говорим о философии. Спрашивая таким способом, мы, очевидно, остаемся в положении над философией и, следовательно, вне ее. Но цель нашего вопроса — попасть в философию, удерживать себя в ней, держать себя ее способом, т. е. «философствовать». Путь нашего разговора поэтому не только должен иметь ясное направление, но и это направление одновременно должно также давать нам гарантию, что мы движемся внутри философии, а не ходим снаружи вокруг нее.

Путь нашего разговора должен, следовательно, быть такого рода и иметь такое направление, чтобы то, чем занимается философия, относилось к нам самим, затронуло нас (*pous touche*), а именно — нас в нашей сущности.

Однако не станет ли философия тем самым делом пристрастий <Affektion>, эмоций <Affekte> и чувств?

«С прекрасными чувствами создают плохую литературу» («C'est avec les beaux sentiments que l'on fait la mauvaise littérature»²). Эти слова Андре Жида справедливы не только для литературы, в гораздо большей степени они применимы к философии. Чувства, даже прекраснейшие, не принадлежат философии. Чувства, говорят, суть нечто иррациональное. Философия, напротив, не только есть нечто рациональное, но и является подлинной управительницей разума. Утверждая это, мы неожиданно решили

¹ Heidegger M. Was ist das — die Philosophie? // Gesamtausgabe. Bd. 11. Identität und Differenz. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2006. Перевод В.Ю. Кузнецова. Печатается впервые. — Прим. ред.

² Gide André. Dostoïewsky. P., 1923. P. 247. — Прим. авт.

нечто о том, что есть философия. Мы уже опередили наш вопрос ответом. Каждый считает правильным высказывание, что философия есть дело разума. Возможно, это высказывание — все же поспешный и опрометчивый ответ на вопрос: «Что это такое — философия?» Ведь мы можем сразу противопоставить этому ответу новые вопросы. Что это такое — 5
 разум? Где и кем было решено, что есть разум? Сам ли разум назначил себя господином философии? Если да, то по какому праву? Если нет, то откуда получает он свое назначение и свою роль? Если то, что считается разумом, впервые было установлено только философией и 10
 внутри целого ее истории, то не было бы хорошим советом заранее провозглашать философию делом разума. Однако, как только мы подвергаем сомнению обозначение философии как чего-то рационального действующего, то равным образом становится также сомнительным, принадлежит ли философия области иррационального. Ведь тот, кто хочет 15
 определить философию как иррациональное, принимает при этом рациональное за критерий разграничения и таким образом снова предполагает само собой понятным, что есть разум.

Когда мы, с другой стороны, указываем на возможность, что то, к чему относится философия, касается нас, людей, в нашей сущности, и нас затрагивает <be-rührt>, тогда может оказаться, что это пристрастие не имеет ничего общего с тем, что обычно называется эмоциями и чувствами, короче — иррациональным.

Из сказанного мы заключаем пока только одно: нужна более высокая тщательность, если мы отваживаемся начать разговор на тему «Что это 25
 такое — философия?».

Прежде всего мы попытаемся направить вопрос на ясно очерченный путь, чтобы мы не разбежались по произвольным и случайным представлениям о философии. Как же мы должны найти тот путь, на котором мы определим наш вопрос наиболее надежным способом?

Путь, на который я хотел бы сейчас указать, лежит непосредственно перед нами. И только потому, что он ближайший, нам трудно его найти. Даже когда мы его уже нашли, то мы, несмотря на это, движемся по нему все еще неловко. Мы спрашиваем: «Что это такое — философия?» Слово «философия» мы произносили уже достаточно часто. Но если слово 35
 «философия» мы теперь используем уже не как истертое именование, если вместо этого мы услышим слово «философия» из его истока, тогда оно прозвучит так: φιλοσοφία. Слово «философия» говорит теперь по-гречески. Греческое слово как слово *греческое* есть некий путь. Который, с одной стороны, лежит перед нами, так как это слово с давних времен нам пред-сказано <vorgausgesprochen>. С другой стороны, он уже позади нас, так как мы уже постоянно слышали и произносили это слово. Соответственно, греческое слово φιλοσοφία есть путь, по которому мы движемся. Но мы знаем этот путь еще только совсем неотчетливо, хотя мы и имеем много историчных знаний о греческой философии и можем их расширять.

Слово φιλοσοφία говорит нам, что философия есть нечто, что впервые определило существование <Existenz> эллинизма. И не только это — 45
 φιλοσοφία определила также глубочайшую основную черту нашей западноевропейской истории. Часто слышимое выражение «западноевропейская философия» есть поистине тавтология. Почему? Потому что «философия» в своей сущности греческая — «греческая» значит здесь: филосо-

фия в истоках своей сущности такого рода, что она, чтобы развернуться, впервые обратилась к эллинизму, и только к нему.

Но изначально греческая сущность философии в эпоху своего европейского владычества в Новое время стала управляться представлениями христианства и подчинилась им. Господство этих представлений установилось благодаря Средневековью. Однако нельзя сказать, что философия 5
 стала тем самым христианской, т. е. делом веры в откровение и в авторитет церкви. Предложение «Философия в своей сущности греческая» говорит не что иное как: Запад и Европа, и только они, изначально «философичны» в наиболее внутреннем ходе своей истории. Это подтверждается 10
 возникновением и господством наук. Поскольку они проистекают из наиболее внутреннего хода западноевропейской, а именно философской, истории, постольку они сегодня способны наложить специфический отпечаток на историю человечества на всей Земле.

Задумаясь на мгновение, что это значит, когда некую мировую эпоху 15
 человеческой истории характеризуют как «эпоху атома». Открытая и высвобожденная науками атомная энергия представляет ту силу, которая должна определять ход истории. Науки, правда, не дали бы ничего, если бы им не предшествовала, не шла впереди философия. Но философия есть η φιλοσοφία. Это греческое слово связывает наш разговор с исторической традицией. Поскольку эта традиция остается единственной в своем роде, постольку она также однозначна. Названная греческим именем φιλοσοφία традиция, которая называет нам историческое слово φιλοσοφία, освобождает нам направление пути, на котором мы спрашиваем: «Что это такое — философия?» Традиция <Überlieferung> передает <liefert aus> нам не 25
 принуждение прошедшего и неотменимого. Передавание <Überliefern>, délivrer, — это освобождение, а именно в свободу разговора с былым. Имя «философия» зовет нас — если мы поистине услышим это слово и осмыслим услышанное — в историю греческого происхождения философии. Слово φιλοσοφία как будто стоит в свидетельстве о рождении нашей собственной истории, мы можем даже сказать — в свидетельстве о рождении 30
 современной всемирно-исторической эпохи, которая называется эпохой атома. Поэтому мы можем задать вопрос «Что это такое — философия?», только если мы вступаем в разговор с мышлением эллинизма.

Однако не одно то, *что* стоит под вопросом, — философия — является греческим по своему происхождению, но также и способ, *как* мы спрашиваем; способ, каким мы и сегодня еще спрашиваем, является греческим.

Мы спрашиваем: «Что это такое ...?» По-гречески это звучит: τί ἐστίν. Вопрос, что есть нечто, остается все же многозначным. Мы можем спросить: «Что это такое — там, вдали?» Мы получим ответ: «Дерево». Ответ состоит в том, что мы даем вещи, не распознанной нами точно, ее имя.

Мы можем все-таки спросить далее: «Что такое то, что мы называем деревом?» Так поставленным теперь вопросом мы уже приближаемся к греческому τί ἐστίν. Это та же форма вопрошания, которую разворачивали Сократ, Платон и Аристотель. Они спрашивают, например: «Что это такое — прекрасное? Что это такое — познание? Что это такое — природа? Что это такое — движение?»

Теперь, однако, мы должны направить внимание на то, что в названных тут вопросах не только разыскивается более точное определение того, 50

что такое природа, что такое движение, что такое красота; но наряду с этим дается также истолкование того, что означает «что», в каком смысле надо понимать τί. То, что обозначает «что», которое quid est, называют τό quid: quidditas, чтойность. Между тем quidditas в разные эпохи философии определяется по-разному. Так, например, философия Платона есть своеобразная интерпретация того, что подразумевает τί. А именно, оно понимается как *idéa*. Что мы, когда спрашиваем о τί, о quid, при этом подразумеваем «идею», совсем не само собой понятно. Аристотель дает другое, чем Платон, истолкование τί. Иное толкование τί дает Кант, другое — Гегель. То, что в каждом случае спрашивается по путеводной нити τί, quid, «что», остается каждый раз определять заново. В любом случае верно: когда мы спрашиваем о философии «Что это такое?», то мы задаем изначально греческий вопрос.

Примем хорошо во внимание: как тема нашего вопроса, «философия», так и способ, которым мы спрашиваем «Что это такое...?», — оба сохраняют свое греческое происхождение. Мы сами относимся к тому же происхождению, даже тогда, когда мы ни разу не произнесли слово «философия». Мы специально возвращены в это происхождение, при-званы <re-klamiert> для него и посредством него, как только вопрос «Что это такое — философия?» мы не только дословно выговариваем, но и задумываемся о его смысле. [Вопрос «Что есть философия?» не есть вопрос, который направляет некий род познания на самое себя (философия философии). Этот вопрос не есть также историчный <historische> вопрос, обнаруживающий интерес к тому, как начиналось и развивалось то, что называют «философией». Этот вопрос исторический <geschichtliche>, т. е. судьбо-носный <geschick-liche> вопрос. Более того, он не «какой-то», он есть *именно* исторический вопрос нашего западноевропейского присутствия <Daseins>.]

Когда мы погрузились в целый и изначальный смысл вопроса «Что это такое — философия?», то наше вопрошание сквозь свое историческое происхождение нашло направление в историческое будущее. Мы нашли путь. Сам вопрос и есть путь. Он ведет от присутствия <Dasein> эллинизма к нам, если не далее, за нас. Мы движемся — если держимся вопроса — по ясно направленному пути. Тем не менее это еще не дает нам гарантии, что мы способны непосредственно идти по этому пути правильным способом. Мы не можем даже сразу обнаружить, в каком месте пути мы стоим сегодня. Вопрос, что есть нечто, с давних времен обычно характеризуют как вопрос о сущности. Вопрос о сущности каждый раз пробуждается тогда, когда то, о сущности чего спрашивается, затемнилось и запуталось, когда вместе с тем отношение человека к вопрошаемому стало неустойчивым или даже подорванным.

Вопрос нашего разговора касается сущности философии. Если этот вопрос возникает из необходимости и не должен оставаться только лишь мнимым вопросом с целью беседы, тогда философия как философия должна стать для нас подозрительной. Так ли это? И если да, то насколько философия стала для нас подозрительной? Но мы очевидно можем отметить это только тогда, когда уже ознакомились с философией. Для этого необходимо, чтобы мы заранее знали, что это такое — философия. Так мы странным образом оказались загнаны в круг. Философия сама, кажется, и есть этот круг. Предположим, мы не можем непосредственно освободиться из кольца этого круга, но нам позволено все же на этот круг

взглянуть. Куда должен обратиться наш взгляд? Греческое слово *φιλοσοφία* указывает нам направление.

Здесь необходимо принципиальное замечание. Когда мы сейчас и позже слушаем слова греческого языка, то оказываемся в особой сфере. Ибо медленно просветляется для нашего размышления, что греческий язык не есть только лишь язык, как известные нам европейские языки. Греческий язык, и он один, есть *λόγος*. Мы должны будем в нашем разговоре разобраться в этом еще обстоятельнее. Для начала достаточно указания, что в греческом языке сказанное на нем одновременно есть замечательным образом то, что оно называет. Если мы слышим греческое слово по-гречески, то мы следуем его *λέγειν*, его непосредственному изложению <Darlegen>. То, что оно излагает <darlegt>, есть представленное <Vorliegende>. Благодаря по-гречески услышанному слову мы оказываемся непосредственно перед самой представленной <vorliegenden> вещью, а не сначала лишь перед значением слова.

Греческое слово *φιλοσοφία* восходит к слову *φιλόσοφος*. Это слово изначально — прилагательное, как *φιλόφρωνος*, сребролюбивый, как *φιλότιμος*, честолюбивый. Слово *φιλόσοφος* предположительно было образовано Гераклитом. Это свидетельствует: для Гераклита еще нет *φιλοσοφία*. *Ἀνὴρ φιλόσοφος* не есть «философский» человек. Греческое прилагательное *φιλόσοφος* говорит нечто совсем другое, чем прилагательное «философский», *philosophique*. *Ἀνὴρ φιλόσοφος* есть тот, *ὃς φιλεῖ τὸ σοφόν*, кто любит *σοφόν*; *φιλεῖν*, любить, значит здесь в смысле Гераклита: *ὁμολογεῖν*, говорить так, как говорит *Λόγος*, т. е. ему соответствовать. Это соответствие <Entsprechen> пребывает в созвучии <steht im Einklang> с *σοφόν*. Созвучие есть *ἁρμονία*. То, что взаимно подчиняет одну сущность другой, что изначально подчиняет их друг другу, поскольку они распоряжаются друг другом, эта *ἁρμονία* есть отличительность <Auszeichnende> мыслимой Гераклитом *φιλεῖν*, любви.

Ἀνὴρ φιλόσοφος любит *σοφόν*. Что это слово говорило Гераклиту, передать трудно. Но мы можем пояснить его по собственному истолкованию Гераклита. По нему, *τὸ σοφόν* говорит это: *Ἐν Πάντα*, «Одно (есть) Все». «Все» подразумевает здесь: *Πάντα τὰ ὄντα*, целое, все сущее. *Ἐν*, единица, подразумевает одно, единственное, все единое. Но едино все сущее в бытии. *Σοφόν* говорит: Все сущее есть в бытии. Точнее говоря, бытие *есть* сущее. При этом «есть» говорит переходно и означает то же самое, что и «собирает». Бытие собирает сущее тем, что оно есть сущее. Бытие есть собрание — *Λόγος*¹.

Все сущее есть в бытии. Так слышимое звучит для нашего уха тривиально, если даже не оскорбительно. Ведь о том, что сущее относится к бытию, никому не надо беспокоиться. Весь мир знает: сущее есть то, что есть. Что другое вольно сущее, кроме как быть? И тем не менее именно то, что сущее остается собранным в бытии, что сущее появляется в явлении бытия, это повергло в удивление греков — впервые их и только их. Сущее в бытии: это стало для греков самым удивительным.

Между тем даже греки должны были спасать и защищать удивительность этого удивительнейшего — от хватки софистического рассудка, который для всего имел наготове сразу понятное каждому объяснение и

¹ Ср.: Vorträge and Aufsätze, 1954. S. 207–229. — *Прим. авт.*

поставлял его на рынок. Спасение удивительнейшего — сущего в бытии — свершилось благодаря тому, что некоторые отправились в путь по направлению к этому удивительнейшему, т. е. к σοφόν. Тем самым они стали такими, которые *стремятся* к σοφόν и своим собственным стремлением пробуждали и поддерживали у других людей тоску по σοφόν. Φιλεῖν τό σοφόν, то уже упомянутое созвучие с σοφόν, ἀρμονία, превратилось тем самым в ὄρεξις, в *стремление* к σοφόν. Соφόν — сущее в бытии — стало теперь разыскиваться специально. Поскольку φιλεῖν не есть более изначальное созвучие с σοφόν, но есть особое стремление к σοφόν, постольку φιλεῖν τό σοφόν превращается в φιλοσοφία. Чье стремление стало определяться Эросом.

Этот устремленный поиск σοφόν, Ἐν Πάντα, сущего в бытии превращается теперь в вопрос «Что есть сущее, поскольку оно есть?». Мышление впервые стало теперь «философией». Гераклит и Парменид еще не были «философами». Почему? Потому что они были более великими мыслителями. «Более великие» не подразумевает здесь подсчитывание достижений, а указывает на другую размерность мысли. Гераклит и Парменид были «более великими» в том смысле, что они пребывали еще в созвучии с Λόγος, т. е. с Ἐν Πάντα. Шаг к «философии», подготовленный софистикой, впервые совершили Сократ и Платон. Аристотель позднее, почти через два века после Гераклита, охарактеризовал этот шаг следующим предложением: καὶ δὴ καὶ τό πάλα τε καὶ νῦν καὶ αἰεὶ ζητούμενον καὶ αἰεὶ ἀλπορούμενον, τί τό ὄν (Met. Z 1, 1028 b 2 sqq). В переводе это говорит: «И таково было уже когда-то, и есть также теперь, и будет всегда — то, куда (философия) держит путь и куда она снова и снова не находит доступа (спрашиваемое <Gefragte>): «Что есть сущее?» (τί τό ὄν)».

Философия ищет, что есть сущее, поскольку оно есть. Философия находится на пути к бытию сущего, т. е. к сущему в отношении к бытию. Аристотель поясняет это, давая приведенному положению (τί τό ὄν, «Что есть сущее?») следующее толкование: τοῦτό ἐστι τίς ἢ οὐσία; говорящее в переводе: «Это (а именно τί τό ὄν) означает: что есть сущность <Seiendheit> сущего?» Бытие сущего покоится в сущности. Однако ее (οὐσία) Платон определяет как ἰδέα, Аристотель определяет как ἐνέργεια.

В настоящий момент еще нет необходимости подробнее разбирать, что Аристотель подразумевает под ἐνέργεια и насколько οὐσία может определяться через ἐνέργεια. Сейчас важно только, чтобы мы направили внимание на то, как Аристотель ограничивает философию в ее сущности. В первой книге «Метафизики» (Met. A 2, 982 b 9 sq) он говорит следующее: философия есть ἐπιστήμη τῶν πρώτων ἀρχῶν καὶ αἰτίων θεωρητική. Ἐπιστήμη любят переводить как «науку». Это вводит в заблуждение, поскольку мы слишком легко привносим современное представление о «науке». Перевод ἐπιστήμη как «науки» ошибочен и тогда, когда мы понимаем «науку» в философском смысле, который подразумевали Фихте, Шеллинг и Гегель. Слово ἐπιστήμη происходит от причастия ἐπιστάμενος. Так называют человека, поскольку он к чему-либо причастен <zuständig> и в чем-либо искусен (принадлежность <Zuständigkeit> в смысле appartenance). Философия есть ἐπιστήμη τις, разновидность состоятельности <Zuständigkeit>, θεωρητική, который позволяет θεωρεῖν, т. е. усмотреть нечто, а то, что она усмотрела, ухватить взором и удержать во взоре. Философия есть потому ἐπιστήμη θεωρητική. Но что есть то, что она ухватывает взором?

Аристотель говорит это, называя πρώτα ἀρχαί καὶ αἰτίαι. Переводят: «первые основания¹ и причины» — а именно, сущего. Первые основания и причины составляют якобы бытие сущего. Через два с половиной тысячелетия самое время задуматься о том, что же делало бытие сущего с чем-то вроде «основания» и «причины».

В каком смысле мыслится бытие, чтобы нечто подобное «основанию» и «причине» было пригодно для того, чтобы формировать и перенимать сущее-бытие <seiend-Sein> сущего?

Однако теперь мы направим внимание на другое. Приведенный тезис Аристотеля говорит нам, куда держит путь то, что со времен Платона называют «философией». Этот тезис дает некую справку о том, что это такое — философия. Философия есть разновидность состоятельности, позволяющей ухватить взором сущее, а именно — учитывая, *что* оно *есть*, поскольку оно сущее.

На вопрос, который должен придать нашему разговору плодотворное беспокойство и движение, а также должен указать разговору направление пути, на вопрос «Что есть философия?» Аристотель уже ответил. Следовательно, наш разговор больше не нужен. Он закончился, еще не начавшись. Сразу же возразят, что высказывание Аристотеля о том, что есть философия, никоим образом не может быть единственным ответом на наш вопрос. В лучшем случае оно есть *один* ответ среди многих других. Хотя с помощью аристотелевской характеристики философии можно представить и истолковать как мышление до Аристотеля и Платона, так и философию после времени Аристотеля. Между тем с легкостью укажут на то, что сама философия и образ, каким она представляет собственную сущность, за последующие два тысячелетия многократно изменялись. Кто захочет это отрицать? Но мы не можем обойти вниманием и то, что философия от Аристотеля до Ницше как раз на основе этих изменений <Wandlungen> и на протяжении их остается той же самой. Поскольку превращения <Verwandlungen> суть гарантии родства <Verwandtschaft> в том же самом.

Этим мы вовсе не утверждаем, что аристотелевское определение философии имеет абсолютную действенность. Оно уже внутри истории греческого мышления есть, собственно, только определенное истолкование греческого мышления и того, что ему задано. Аристотелевская характеристика философии ни в коем случае не может быть перенесена назад, на мышление Гераклита и Парменида; напротив, аристотелевское определение философии есть, конечно, свободный результат раннего мышления и его завершение. Я говорю: свободный результат, поскольку никоим образом нельзя считать, будто отдельные философии и эпохи философии происходят одна из другой в смысле необходимости диалектического процесса.

Что вытекает из сказанного для нашей попытки разобрать в разговоре вопрос «Что это такое — философия?» Прежде всего одно: мы не можем придерживаться только определения Аристотеля. Отсюда мы заключаем другое: мы должны представить себе и более ранние, и более поздние определения философии. А потом? Потом посредством сравнивающей абстракции мы выявим то, что есть общего у всех определений. А потом?

¹ В русском переводе Аристотеля «начала». — Прим. пер.

Потом мы достигнем пустой формулы, которая подходит для каждого вида философии. А потом? Потом мы удалимся от ответа на наш вопрос настолько, насколько это только возможно. Отчего дошло до этого? Поскольку посредством только что упомянутого приема мы лишь исторично собираем имеющиеся определения и растворяем их во всеобщей формуле. Все это действительно можно осуществить при большой эрудиции и с помощью правильных установлений. При этом нам не нужно даже в наималейшей степени принимать участие в философии способом, каким мы за-думываемся <nach-denken> о сущности философии. Мы получаем таким образом разнообразные, основательные и даже полезные знания о том, как представляли философию на протяжении ее истории. Однако таким образом мы никогда не достигнем настоящего, т. е. законного ответа на вопрос «Что это такое — философия?». Ответ может быть только философствующим ответом — ответом, который философствует как от-вет <Ant-wort> в себе. Но как нам следует понимать этот тезис? Насколько ответ, а именно насколько он есть от-вет <Ant-wort>, может философствовать? Я сейчас попытаюсь прояснить это предварительно с помощью нескольких указаний. Что подразумевается, наш разговор снова и снова будет обеспокоен. Это будет даже пробным камнем для того, сможет ли наш разговор стать поистине философским. А это совсем не в нашей власти.

Когда ответ на вопрос «Что это такое — философия?» философствующий? Когда мы философствуем? Очевидно, лишь тогда, когда мы вступаем в разговор с философами. Это предполагает, что мы с ними обсуждаем то, о чем они говорят. Это обсуждение друг с другом <miteinander-Durchsprechen> того, что снова и снова как то же самое специально относится к философам, есть говорение, λέγειν, в смысле διαλέγεσθαι, говорение как диалог. Является ли диалог с необходимостью диалектикой и когда, это мы оставим открытым.

Одно дело — зафиксировать и описать мнения философов. Совсем другое — обсуждать с ними то, что они говорят, т. е. о чем они говорят.

Если установлено, что философы отзываются на бытие сущего, когда они говорят, что есть сущее, поскольку оно есть, то наш разговор <Gespräch> с философами также должен отзываться <angesprochen> на бытие сущего. Мы сами должны нашим мышлением идти навстречу тому, к чему направляется философия. Наше говорение <Sprechen> должно соответствовать <ent-sprechen> тому, на что отзываются <angesprochen> философы. Когда нам удастся это со-ответствование <Ent-sprechen>, то мы в настоящем смысле от-вечаем <ant-worten> на вопрос: «Что это такое — философия?» Немецкое слово <antworten> <отвечать> обозначает собственно то же самое, что и «ent-sprechen» <со-ответствовать>. Ответ на наш вопрос не исчерпывается высказыванием, которое отвечает на вопрос констатацией того, что следует представлять себе под понятием «философия». Ответ не есть отвечающее высказывание (n'est pas une réponse), ответ есть скорее со-ответствие <Ent-sprechung> (la correspondance), которое соответствует бытию сущего. Нам, конечно, сразу же хотелось бы узнать, в чем заключается отличительная особенность ответа в смысле соответствия. Однако все дело заключается прежде всего в том, что мы достигаем соответствия раньше, чем разработаем об этом теорию.

Ответ на вопрос «Что это такое — философия?» состоит в том, чтобы мы соответствовали тому, куда направляется философия. А это есть бытие сущего. В таком соответствовании мы с самого начала слышим то, что уже обратила <zugesprochen> к нам философия — философия, т. е. понятая по-гречески φιλοσοφία. Поэтому только так мы достигаем соответствия, т. е. ответа на наш вопрос, — оставаясь в разговоре с тем, куда традиция <Überlieferung> философии нас передает <ausliefert>, т. е. освобождает. Мы находим ответ на вопрос, что есть философия, не в историчных высказываниях об определениях философии, а в разговоре с тем, что унаследовано <überliefert> нами как бытие сущего.

Этот путь к ответу на наш вопрос есть не разрыв с историей, не отрицание истории, а освоение и преобразование наследия <Überlieferten>. Такое освоение истории подразумевается под названием «деструкция» <Destruktion>. Смысл этого слова ясно описан в «Бытии и времени» (§ 6). Деструкция означает не разрушение, но разбирание, убирание, отставление-в-сторону <Auf-die-Seite-stellen> именно только историчных высказываний об истории философии. Деструкция значит: раскрыть наш слух, освободить его для того, что обращено нам в традиции как бытие сущего. Прислушиваясь к этому обращению, мы достигаем соответствия.

Однако, пока мы это говорим, уже появляется сомнение в этом. Оно гласит: должны ли мы все же стараться достичь соответствия бытию сущего? Разве мы, люди, не находимся всегда уже в таком соответствии, а именно не только de facto¹, но и по нашей сущности? Разве это соответствие не составляет основную черту нашей сущности?

Это поистине обстоит так. Но если, однако, это обстоит так, тогда мы не можем больше говорить, что мы сначала должны достигнуть соответствия. И тем не менее мы говорим это по праву. Ибо, хоть мы и пребываем всегда и везде в соответствии с бытием сущего, все-таки мы лишь изредка внимаем обращению бытия. Хотя соответствие бытию сущего постоянно остается нашим пребыванием. Все же лишь иногда для некоторых из нас оно становится специально принятым и разворачиваемым действием. Только когда это произошло, мы впервые соответствуем непосредственно тому, чего касается философия, которая находится на пути к бытию сущего. Соответствование бытию сущего есть философия; однако же она есть оно тогда и только тогда, когда соответствование специально совершается, тем самым разворачивается и это разворачивание укрепляет. Это соответствование осуществляется различными способами в зависимости от того, говорит ли обращение бытия, услышано ли оно или прослушано, сказано ли услышанное или замолчано. Наш разговор может предоставить возможности задуматься над этим.

Сейчас я пытаюсь высказать только предисловие к разговору. Изложенное до этого мне хотелось бы вернуть к тому, чего мы коснулись в связи со словами Андре Жида о «прекрасных чувствах». Φιλοσοφία есть специально совершаемое соответствование, которое говорит, поскольку внимает обращению бытия сущего. Со-ответствование <Ent-sprechen> прислушивается к голосу <Stimme> обращения. То, что обращается к нам как голос бытия, о-пределяет <be-stimmt> наше соответствование.

¹ На деле, фактически, де-факто (лат.). — Прим. пер.

«Соответствовать» тогда значит: быть о-пределенным <be-stimmt>, être disposé, а именно — бытием сущего. Dis-posé означает здесь буквально: рас-ставленное <auseinander-gesetzt>, проясненное и тем самым приведенное в отношение с тем, что есть. Сущее как таковое определяет <bestimmt> говорение <Sprechen> таким способом, что согласовывает <abstimmt> (accorder) сказываемое <Sagen> с бытием сущего. Соответствование есть необходимое и всегда, не только случайно и иногда, настроено <gestimmtes>. Оно есть в настроенности <Gestimmtheit>. И только на основе настроенности (disposition) сказываемое <Sagen> соответствования получает свою точность, свою о-пределенность <Be-stimmtheit>.

Как на-строенное <ge-stimmtes> и о-пределенное <be-stimmtes>, соответствование сущностно есть в настроении <Stimmung>. Тем самым наше действие в каждом случае так или иначе связано. Так понимаемое настроение не есть музыка случайно возникших чувств, которые лишь сопровождают соответствование. Когда мы характеризуем философию как настроенное соответствование, мы вовсе не хотим отдать мышление случайным изменениям и колебаниям чувственных состояний. Напротив, дело идет единственно о том, чтобы указать на то, что всякая точность сказываемого основана на расположении <Disposition> соответствования — «соответствования», говорю я, correspondance, во внимании к обращению.

Но прежде всего указание на сущностную настроенность соответствования не есть лишь современное изобретение. Уже греческие мыслители Платон и Аристотель обратили внимание на то, что философия и философствование относятся к тому измерению человека, которое мы называем настроением (в смысле на-строенности <Ge-stimmtheit> и о-пределенности <Be-stimmtheit>).

Платон говорит («Геезет» 155d): μάλα γάρ φιλοσόφον τοῦτο τό πάθος, τό θαυμάζειν. Οὐ γάρ ἄλλη ἀρχή φιλοσοφίας ἢ αὐτή. «Ведь именно философу свойственно очень это удивление — πάθος. Ведь это есть господствующее Откуда философии как ничто иное».

Удивление как πάθος есть ἀρχή философии. Греческое слово ἀρχή мы должны понимать в полном смысле. Оно называет то, откуда нечто исходит. Но это «откуда» в исхождении <Ausgehen> не остается позади, напротив, оно становится тем, что говорит глагол ἀρχεῖν, тем, что господствует. Πάθος, удивление не просто находится в начале философии так, как, например, операции хирурга предшествует мытье рук. Удивление держит философию и властно пронизывает ее.

Аристотель говорит то же самое («Метафизика» А2, 982b 12 sq): διὰ γάρ τό θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καί νῦν καί τό πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν. «Именно благодаря удивлению как теперь, так и впервые достигают люди господствующего истока философствования» (того, откуда исходит философствование и что определяет ход философствования вообще).

Было бы слишком поверхностно и прежде всего не по-гречески думать, будто мы подразумеваем, что Платон и Аристотель здесь утверждают только, что удивление есть причина философствования. Если бы они были такого мнения, тогда это означало бы: когда-то люди удивились, а именно сущему, тому, что оно есть и что оно есть. Движимые этим удивлением, они начали философствовать. Как только философия пришла в ход, удив-

ление как толчок стало излишним и потому исчезло. Оно могло исчезнуть, поскольку оно было только импульсом. Однако удивление есть ἀρχή — оно властно пронизывает каждый шаг философии. Удивление есть πάθος. Мы переводим πάθος обычно как passion, страсть, волнение чувств. Однако πάθος связан с πάσχειν, страдать, терпеть, выдерживать, выносить, переносить, позволять о-пределять себя. Рискованно, как всегда в подобных случаях, переводить πάθος как настроение, имея в виду на-строенность <Ge-stimmtheit> и о-пределенность <Be-stimmtheit>. Но мы должны отказаться на такой перевод, так как только он может избавить нас от того, чтобы представлять πάθος психологически в современном смысле Нового времени. Только если мы понимаем πάθος как настроение (dis-position), мы можем также подробнее охарактеризовать θαυμάζειν, удивление. В удивлении мы останавливаемся на себе (être en arrêt). Мы словно отступаем перед сущим — перед тем, что оно есть, есть так и никак иначе. Однако удивление не исчерпывается этим отступлением к бытию сущего, но оно, как такое отступление и самообладание, одновременно увлечено и словно захвачено тем, перед чем оно отступает. Следовательно, удивление есть рас-положение <Dis-position>, в котором и для которого раскрывает себя бытие сущего. Удивление есть настроение, внутри которого соответствование бытию сущего было предоставлено греческим философам.

Совсем иного рода то настроение <Stimmung>, которое предопределило <bestimmte> поставить традиционный вопрос, что же есть сущее, поскольку оно есть, новым способом и тем самым начать Новое время в философии. Декарт спрашивает в своих «Размышлениях» не только и не прежде всего τί τό ὄν — «Что есть сущее, поскольку оно есть?». Декарт спрашивает: каково то сущее, которое есть поистине сущее в смысле ens certum? Для Декарта сущность certitudo между тем изменилась. Ведь в Средние века certitudo означало не достоверность, а жесткое ограничение сущего тем, что оно есть. Certitudo здесь еще равнозначно essentia. Напротив, для Декарта то, что поистине есть, размечается другим способом. Для него сомнение становится тем настроением, в котором звучит настроенность на ens certum, достоверность сущего. Certitudo становится таким закреплением ens qua ens¹, которое вытекает из несомненности cogito (ergo) sum² для человеческого ego. Тем самым ego становится выделенным sub-iectum, и сущность человека, таким образом, впервые попадает в сферу субъективности в смысле «яйности» <Egoität>. Из настроенности на это certitudo получает сказываемое Декартом определенность clare et distincte percipere³. Настроение сомнения есть позитивное согласие о достоверности. Впредь достоверность будет эталонной формой истины. Настроение уверенности в достижимую в любое время абсолютную достоверность познания остается πάθος'ом и вместе с тем ἀρχή философии Нового времени.

В чем же заключается τέλος, завершение философии Нового времени, если нам позволено об этом говорить? Определено <bestimmt> это окончание другим настроением <Stimmung>? Где мы должны искать завершение философии Нового времени? У Гегеля или лишь в поздней философии Шеллинга? И как обстоит дело с Марксом и Ницше? Сходят ли они уже с

¹ Сущее как сущее (лат.). — Прим. пер.

² Мысль (следовательно) существую (лат.). — Прим. пер.

³ Ясное и отчетливое восприятие (лат.). — Прим. пер.

дороги философии Нового времени? Если нет, как нам нужно определить их положение?

Похоже на то, будто мы ставим только историчные вопросы. Однако поистине мы обдумываем будущую сущность философии. Мы пытаемся услышать голос бытия. В какое настроение приводит он сегодняшнее мышление? Едва ли на этот вопрос можно однозначно ответить. Какое-то основное настроение, вероятно, господствует. Однако пока оно остается сокрытым от нас. Это должно быть знак того, что наше сегодняшнее мышление еще не нашло своего однозначного пути. Что мы встречаем, так только это: разнообразные настроения мысли. Сомнение и отчаяние, с одной стороны, слепая одержимость непроверенными принципами — с другой, противостоят друг другу. Страх и ужас смешиваются с надеждой и уверенностью. Часто и широко все выглядит так, будто мышление вида рациональных <räsonnierenden> представлений и расчетов совершенно свободно от любого настроения. Однако и холодность счислений, и банальная сухость планов есть признаки настроенности. Не только это; даже разум, который сохраняет себя свободным от всякого влияния страстей, настроен как разум на уверенность в логико-математической очевидности <Einsichtigkeit> своих принципов и правил.

Специально принятое и разворачивающееся соответствие <Ent-sprechen>, которое соответствует <entspricht> обращению <Zuspruch> бытия сущего, есть философия. Мы познакомимся с ней и научимся знать, что это такое — философия, только когда мы испытаем, каким способом <auf welche Weise> есть философия. Она есть в мелодии <in der Weise> соответствия, которое настраивается <abstimmt> на голос <Stimme> бытия сущего.

Это со-ответствование <Ent-sprechen> есть говорение <Sprechen>. Оно состоит на службе языка <Sprache>. Что это означает, сегодня нам понять трудно, так как наше потребительное представление о языке претерпело необычайные изменения. В результате язык стал казаться средством <Instrument> выражения. Вследствие этого считают более правильным говорить: «язык состоит на службе мышления», вместо: «мышление как со-ответствование <Ent-sprechen> состоит на службе языка». Однако сегодняшнее представление о языке прежде всего настолько отдалилось от греческого опыта языка, насколько это только возможно. Сущность языка открывается грекам как λόγος. Но что значат λόγος и λέγειν? Лишь сегодня мы медленно начинаем сквозь разнообразные истолкования λόγος'а прозревать его первоначальную греческую сущность. Между тем мы не можем ни вернуться когда-нибудь снова к этой сущности языка, ни просто перенять ее. Зато мы можем, пожалуй, вступить в разговор с греческим опытом языка как λόγος'а. Почему? Потому что без достаточного осмысления языка мы никогда истинно не узнаем, что есть философия как отмеченное со-ответствование <Ent-sprechen>, что есть философия как выделенный способ сказывания.

Но поскольку и поэзия, если мы сравниваем ее с мышлением, состоит на службе языка — совершенно другим и выделенным способом, наш разговор, задумывающийся о философии, необходимо приводит к тому, чтобы разобрать отношение мышления и поэзии. Между обоими — мышлением и поэзией — царит скрытое родство, так как они на службе языка используются <verwenden> и расточаются <verschwenden> для языка.

Между обоими вместе с тем имеется бездна, ибо они «обитают на отдаленнейших вершинах»¹.

Теперь можно было бы с полным правом требовать, чтобы наш разговор ограничился вопросом о философии. Однако это ограничение было бы возможно и даже необходимо только тогда, когда в разговоре должно было бы выявиться, что философия есть не то, в качестве чего она сейчас истолковывается: соответствие, которое обращение бытия сущего приводит к языку.

Другими словами, наш разговор не ставит себе задачу выполнить жесткую программу. Однако хотелось бы постараться всех, кто принимает в нем участие, подготовить к сосредоточенности, в которой мы будем отзывчивы к тому, что мы называем бытием сущего. Называя это, подумаем о том, что уже сказал Аристотель:

«Сущее-бытие <seiend-Sein> проявляется многообразно»².

Τὸ ὄν λέγεται πολλαχῶς.

Перевод В.Ю. Кузнецова

¹ Из стихотворения Гельдерлина «Патмос». — Прим. пер.

² Ср.: «Бытие и время», § 7 В. — Прим. авт.